

УДК 82. 34

ПСКОВСКИЕ ЛЕГЕНДЫ О НАКАЗАНИИ ЗА СВЯТОТАТСТВО (ПО МАТЕРИАЛАМ
ФОЛЬКЛОРНОГО АРХИВА ПСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)¹

д-р. филол. наук, профессор Л.А. ЮРЧУК; И.В. КАЗАКОВ
Псковский государственный университет

На материале легенд фольклорного архива Псковского государственного университета, записанных в ходе фольклорных экспедиций 1977–2016 гг., представлены результаты анализа псковских легенд о наказании за святотатство, включающих несколько разновидностей: о разрушении церквей, о сбрасывании колоколов, об уничтожении икон, об утилизации церковного имущества, о танце с иконой, о предательстве веры.

Ключевые слова: *местная легенда, легенда о наказании за святотатство, меморат, нарративная схема.*

Легенда является жанром, относительно которого в отечественной и зарубежной фольклористике существует множество порой противоречивых мнений. Разброс в понимании того, что следует именовать словом «легенда», настолько широк, что речь может идти о совершенно никак не соприкасающихся между собой типах текстов. В одних случаях под легендой понимают устные рассказы на библейские темы (так, В. Я. Пропп, утверждает, что предмет этого жанра – «представления, связанные с государственной религией дореволюционной России» [10, с. 34]), в других легендой называют едва ли не любые народные рассказы несказочного характера, включающие в себя сверхъестественное (так, С. Н. Азбелев к составу легенд относит былички и бывальщины [1, с. 14]). Далеко не всегда учеными дается какое-либо определение жанру. Вместе с тем такое отсутствие определенности осознается исследователями, поэтому они вынуждены, затрагивая в той или иной степени вопрос о легендах, объясняться и очерчивать жанровые особенности текстов, с которыми они будут работать.

Наиболее удачным определением жанра нам представляется данное нижегородским исследователем Ю. М. Шеваренковой, автором одной из наиболее обстоятельных работ последнего времени, посвященных произведениям этого жанра [13]. Она определяет легенды как «устные народные рассказы, в совокупности своей вбирающие в себя все аспекты народного религиоведения, то есть знания о живом и неживом мире и его судьбах, о греховности и праведности человека, знания об истории, представленной в образах общеизвестных и местных священных героев, знания об устройстве и функционировании местного духовного пространства, центром которого является природная святыня» [15, с. 167]. Ю. М. Шеваренковой предложена внутрижанровая классификация легенд, в соответствии с которой выделены собственно народные христианские легенды о

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Фольклорные легенды Псковской области»), проект № 17–14–60001.

физическом и этическом устройстве «большого» мира, легенды-«былички» о разного рода мистических и религиозных странностях и чудесах в жизни человека и легенды-«предания» о событиях христианской истории «малого» мира (того или иного края, села). Каждый из этих видов включает в себя несколько блоков легенд (содержательных групп). В составе легенд, повествующих о христианской истории места и потому сближающихся с жанром преданий (легенды-«предания»), исследователь выделяет несколько групп текстов: легенды национально-героического характера, в которых исторические события в их локальных вариантах осмысляются с точки зрения божественного провидения, легенды о местночтимых старцах (святых), легенды об объектах церковного культа и легенды об особо значимых локусах местного религиозного пространства.

Тексты легенд-«преданий» последних двух групп нередко включают мотив святотатства. Информанты охотно воспроизводят такие легенды, поскольку они дают возможность дополнительно продемонстрировать чудесные свойства священного объекта, пусть и в негативном ключе: святыня выступает в роли судьи, карающего за нарушение норм [14, с. 163]. Наказание, постигшее святотатца, подтверждает действенность культа сакрального объекта; В. К. Соколова пишет в связи с этим, что такие легенды использовались церковью «для укрепления веры у прихожан и охотно вносились в церковные хроники» [11, с. 47]. Отметим, что одна из подобных легенд фольклорного архива ПсковГУ записан от настоятеля храма в д. Кулье Печорского р-на.

В советские времена легенды о святотатстве по понятным причинам не записывались; с изменением политической ситуации их распространенность в народной среде обусловила определенное внимание к ним со стороны научного сообщества: в наши дни такие легенды рассматриваются как в контексте несказочной прозы в ее целом [11, с. 45-47; 4, с. 161-164; 13, с. 67-68, 76], так и отдельно [2; 6; 12; 16; 17; 8; 9; 5]; о внимании к ним свидетельствуют их публикации, осуществленные в последнее время [3; 2; 7; 6].

Вопрос о жанре подобных нарративов, не укладывающихся в международную схему систематизации несказочной фольклорной прозы, современные исследователи решают по-разному. Если В. Е. Добровольская указывает, что эти они «наиболее близки к легендам» [2, с. 500], то Л. В. Фадеева справедливо замечает, что их легендарная природа не всегда очевидна: во многих из них «совершенно отсутствует переключка реального и ирреального миров; события не всегда оцениваются с сугубо христианской точки зрения» [12] (заметим, однако, что основной массив этих текстов тяготеет к жанру легенды). В свою очередь, А. А. Мороз считает эти рассказы отдельным жанром, имеющим свои существенные особенности [5].

В фольклорном архиве ПсковГУ нами выявлено 30 рассказов о наказании местных святотатцев (рассказы о святотатстве внешнего врага являют собой типологически иное образование), записанных в период с 1977 по 2016 годы в 14 районах Псковской области, причем временем до 2000 года датированы лишь два из них (оба – о танце с иконой). Записи сделаны преимущественно от людей 1920-30-х годов рождения, которые могли быть очевидцами осквернения святыни в детском возрасте: именно на это время пришли антирелигиозные кампании 1920-30-х гг., когда усилия властей получили поддержку со стороны деревенских комсомольцев, а крестьянская религиозность ответила

на разрушение местных святынь обширной группой рассказов о наказании за святотатство.

Поскольку действие таких легенд разворачивается в недалеком прошлом, совпадающем с периодом жизни рассказчиков – свидетелей события, это обуславливает меморативную поэтику легенд:

«Церквы ломали тут. Он, у нас в Плёссах такая была церковь! [...] Ой, в каком году? Мы в школу ящё, вот я ходила в школу..., по-моему, в чатьвёртый класс, чатыре класса я окончила... И вот, бывало, мимо идём, забравши туда и всё ломают, кирпич бросают»,

«[...] у нас как разорили ут эту церковь в Матюшкине, как сейчас помню!» (ФА ПсковГУ за 2009 г., т. 3/1725, № 11, кассета БЕЖ 2009–1).

Помимо меморатов в этой группе легенд встречается немало квазимеморатов – рассказов со ссылками на всем известных жителей села, чаще всего родных рассказчика.

Эмоциональную выразительность повествованию придают свойственная меморатам восклицательная интонация («такая была церковь!», «Вот так! Клянусь вам!», «Бог никогда не пропустит!»), эмоционально насыщенная лексика («умирал так, [...] орал на всю деревню», «икону схватила»), открытая оценочность рассказа, проявляющаяся в именовании осквернителей святынь «кощунниками», «дураками» («нашлись такие два... дурака (больше я не могу их назвать, да)»). Рассказчик или другой очевидец событий, на которого он ссылается, крайне негативно оценивает действия осквернителей святыни, что выражается в прямом морализаторстве, облеченном в риторические формулы: «Это, говоря, грех. Бог есть, конечно», «нельзя было икону брать. Грех это большой». Выраженное дидактическое начало этих текстов призвано предупредить человека о последствиях совершения греховных действий.

Становясь в нравственную оппозицию отрицательным героям времени, свидетели разорения святыни иногда сообщают об успешных либо безуспешных попытках спасти ее: «Святой камешек. Яво хотели разорвать, разорвать, когда здесь на силосные ямы, а баба такая старая тут Куша жила, ну вот пошла, говорит: «Я вам дам этот камешек взорвать! Мы ему богу молились всю войну, он нас спас, вот этот камешек» (ФА ПсковГУ за 1997 г., т. 4, л. 47-48, кассета ПУШК 1997-10).

Вслед за В. Е. Добровольской в составе легенд о наказании местных святотатцев современная наука выделяет несколько разновидностей: о разрушении церквей, о сбрасывании колоколов, об уничтожении икон, об утилизации церковного имущества, об обиде слугам Божьим, о танце с иконой, о предательстве веры, об играх детей с иконами [2, с. 500–512]. Псковский материал дает примеры легенд всех названных групп, за исключением последней.

Легенды о разрушении церквей могут сообщать не только о разрушении как таковом, но и о нарушении святости места. Следствием такого деяния во всех случаях оказывается наказание, связанное с ущербом для здоровья:

«Церквы ломали тут. Он, у нас в Плёссах такая была церковь! [...] Ой, в каком году? Мы в школу ящё, вот я ходила в школу..., по-моему, в чатьвёртый класс, чатыре класса я окончила... И вот, бывало, мимо идём, забравши туда и всё ломают, кирпич бросают. Этих людей уже Бог и наказал.

[Собиратели:А как наказал?] А так, все умерли, кто как, вот. Это, говоря, грех. Бог есть, конечно» (ФА ПсковГУ за 2009, т. 3/1725, № 11, кассета БЕЖ 2009–1).

Обращает на себя внимание индивидуальный характер наказания: «все умерли, кто как». Бог карает за святотатство всех его участников, но при этом каждого – индивидуально. Примечателен и вывод: смерть участников злодеяния, по мысли рассказчика, является дополнительным свидетельством существования Бога.

Чаще в поле зрения рассказчиков оказывается не полное разрушение храма, а какой-либо его элемент, например, *сбрасывание колоколов* или утилизация церковного имущества:

«[...] в Слободе. Вот это Слобода называется там деревня, и там церковь, вот большая церковь. Сейчас она, вот реставрируют, вроде там что-то, кто-то приажает. После войны вот свёкр мой, когда я приехала с Питера в четвёртом году сюда, говорил, что был большой óчень колокол, что от слышно девять километров, как будто рядом. Такой, в óбшэм, звонкий колокол. И потом там нашлись такие два... дурака (больше я не могу их назвать, да): спилили этот, вóбшэм. Так от у этого мушчыны, который спилил, явó дети наказаны за это: дочка дурочка бýла (она тьяперь умерла) и сын горбатый, горб такой. Так от отсвёкр-то всё и говорил, что это явó Боу наказал дятмí за то, что спилил ут этот колокол» (ФА ПсковГУ за 2014, т. 2, № 20, диск ПОРХ 2014-2-713_0007).

Приведенный пример примечателен распространенным в легендах данного типа мотивом наказания в потомстве: кара за грех настигает героя рассказа не только в виде внезапной и тяжелой болезни, но и «как бы растягивается во времени», «переходя с разрушителей на членов их семей» [13, с. 68], в результате чего целый коллектив отвечает за действия одного из его членов. Что же касается самого святотатца, то воздаяние за грех может усматриваться в любом факте его биографии: «он остался один, у няго умерла и жана» (ФА ПсковГУ за 2008, т. 1/1146, № 5).

Особую разновидность легенд о святотатстве составляют *легенды о наказании за надругательство над иконами или их уничтожение*: «[Собиратель: слышали ли Вы какие-нибудь рассказы о том, как Бог наказывает человека за святотатство?] Да, был такой случай в нас... В оного мужчины, ну, он уже не мужчиной был, ашчó не старый. И вот умерла яво мать, он так был зол на Бога, чты она умерла, зол на Бога, что, мол, зачым он отобрал от яво его любимого человека. Он взял икону и выкинул, в окно, и сказал: «Что это за Бог, раз он отнял от миá человека, которого я люблю!» И он взял эту икону растоптал ногам, ногам топтал и всё вот приговаривал яму, чты... Ну и вот за это яво Бог наказал. Он болел всю жизинь [...] И потом нет и нет, яго не было дома три дня, яго стали искать, а вот нашли яво уже мёртвым, в это, в лясу. Вот, я думаю, что вот это было яму большое наказание от Бога за то, что он так сделал с иконой. Иконы надо бяречь и почитать»(ФА ПсковГУ за 2008, т. 1/1146, № 5);

«Раньше и народ больше Боу верил. А потом... это, наверное, Ленин был. А потом-то после ётава, перед войной-то здесь же было няль..., чтоб кряста не носили, цёрквы ломали. Всё это было. У нас там недалёко бýлацерква. И отней, с этой церквы-сымали иконы. А вот иконы няльзý брать. Один малец был как это, знаешь, но ён был настояшый. И он забрал эту икону святую Божию Матерь и вынес так на улице и ногам

растоптал. Да. Вышла я вот послѣ уже этой войны, прошло несколько время, ну вот. А бѣла в Загрязьеярманка, ши тадѣ были эты со..., ну, маленько так, были собравши. Я стою, думаю: какбыдто знакомый. А ён так вот, так весь [изображает скрюченного человека]. А там в одной дявчонки я и спрашиваю, я говорю: "Кто это стоит?" – "А Коля Жарна́льскай". – "А, - говорю, – а что с ним сделавши?" – "Шура, ты не слышала?" Я говорю: "Неа". Ну, а я замуж вышла –оттѣдавадаляко. Ну вот. "А, – говорит, – вот икону-то разбил, растоптал ногам, а Бог явѣ сразу растоптал"»(ФА ПсковГУ за 2014, т. 3, № 106, диск ПОРХ 2014-3-18).

В последнем примере обращает на себя внимание типичная для легенд о святотатстве симметричность преступления и наказания (характер преступления обуславливает тип наказания): «икону-то разбил, растоптал ногам, а Бог явѣ сразу растоптал»; ср. также: «Схватила икону, пляшет, разбила её ногами. Потом как начала ногам стучать по Царице Небесной. Так и с места не зашла»(ФА ПсковГУ за 1984, т. 13/470, № 32); «Так сделали клуб в нас в этой церкви. [...] А одна девка и сказала: «Во дура! Чаво я раньше не плясала?» И вдруг малецпрострялял ей ногѹ!»(ФА ПсковГУ за 2007, т. 7/287, л. 29, кассета КРАСН 2007-10); «И вот этот дед сжег все иконы. [...] Сжег, а у него после глаза закрылись. До самой смерти ничего не видел»(ФА ПсковГУ за 1981, т. 1/1722, № 75).

В таких случаях, как замечает Л. В. Фадеева, «используется простой, но зримый прием, делающий назидательность устного повествования более наглядной, – прием подобия действий и деталей, через которые главный герой проходит сначала по своей воле в первой части рассказа, а потом против своей воли, в наказание, во второй его части» [12]. Как псковский, так и общерусский материал дает множество примеров реализации данной нарративной схемы, в которой отмеченная соотнесенность преступления и наказания, согласно наблюдениям А. Б. Мороза, «может быть четырех типов: а) богохульник подвергается такому же воздействию, какому сам подверг святыню (сжег иконы – сгорел сам или у него сгорел дом, рушил церковь трактором – сам был задавлен трактором; скинул колокол, который при падении наполовину ушел в землю – сам вскоре погиб на войне, тоже "ушел в землю"); б) он лишается тех органов, которыми, собственно, и совершал нечестие: (скинули колокола – покалечило руки); в) человек калечится так, что изувеченная часть тела сходна или соотносится с нарушенной им частью храма (снял купол – проломило голову, "смотрел туда кверху", где снимали кресты с куполов (то есть руководил работами), – не может держать голову прямо, ломал крест – упал и сломал ноги); г) человек страдает от того самого объекта, которому наносит ущерб (рушил колокольню – его задавило колокольной; спилил крест – этот крест упал, задавил его лошадь)» [5, с. 503–505].

Что касается многообразия вариантов наказания святотатца, то имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет заключить, что преобладающим его видом является смерть богохульника, иногда предваряемая длительной мучительной болезнью, либо просто болезнь, нередко связанная с повреждением моторики ("сломал позвоночник", "парализовало", "ноги отказали", "сключило", "руки перекорезило") либо потерей зрения (например, сжег иконы – не смог видеть совсем) или рассудка. Конкретность наказания – устойчивый признак рассматриваемых текстов, равно как и точное указание места их действия ("в Плѣссах", "Слобода", "в Лявзине", "в Тетѣрках").

В отличие как от преданий, так и от легенд других разновидностей, легенды о наказании местных святотатцев тяготеют к поименному перечислению участников событий: "Гошка Спицын", "Маринка", "Коля Жарнальскай", "Тарасов", "Байков". Несмотря на то, что уничтожение сакральных объектов было знамением времени, упрек этих рассказов адресован не эпохе в целом, а конкретным участникам варварских действий, которых рассказчики хорошо помнят. При этом имеющийся в нашем распоряжении материал не дает возможности согласиться с А. Б. Морозом в том, что одной из существенных особенностей легенд о святотатстве является участие в них в качестве действующих лиц "людей пришедших, чужих". Такую ситуацию псковские легенды тоже допускают: случается, что кощунственные действия совершают жители соседней деревни ("вялэйские", "с ихней деревни") либо «партийный» человек. Но намного чаще их исполнителями в псковских легендах являются "свои", местные, не выделенные какими-либо дополнительными чертами из окружения, что специально подчеркивается рассказчиками.

Легенды о последствиях утилизации церковного имущества свидетельствуют, что постройка, возведенная на месте храма или из строительных материалов, полученных в результате его разрушения, вскоре подвергается уничтожению: «Но всё-таки разобрали эту часовню. Разобрали, поставили туда сельсовет, на это место. И как раз, где часовня стояла, туда поставили туалет. 2 года простоял этот сельсовет и сгорел»; «Там, саму церковь разбирали, потом из неё построили, привезли сюда, в Чихачёво клуб. Вначале, вроде, библиотека была, а потом клуб. Но она сгорела вскоре. [...] почти все, кто участвовал вот в этом вот разборе вот этой церкви, все как-то рано умерли, и многие не своей смертью. Так что такое подозрение, что Бог их наказал за это».

Чаще всего нововозведенные сооружения сгорают, что вписывается в общую концепцию таких рассказов: несмотря на то, что действия богохульников рассказчик осуждает, наказание за святотатство происходит без участия человека, одной лишь божественной волей. Ее проявление в жизни человека композиционно делит рассказ на две части: первую, бытовую, несущую в себе реалистические мотивировки, и вторую, «чудесную», в которой изображаются события, последующие святотатству, свидетельствующие о том, что жизнь человека освещена постоянным присутствием Бога, незримо принимающим участие во всех его делах.

Особую группу легенд о наказании святотатцев составляют *легенды о танце с иконой*, популярные по всей России с 1950-х годов: «[Собиратели: Есть ли рассказы о наказании человека за разрушение храма или надругательство над иконой или непочтение к ней?] Ну вот я знаю притчу такую, ну как бы насмешку над иконой. Вот жила семья – общем, женщина и у неё была дочка. И был пост, нужно было идти у церковь молиться у праздник. Мать и говорит дочери, что «пойдём в церковь, у храм». Она не захотела идти у храм молиться. Общем, молодежь должна была устроить танцы. Ну, мать пошла, значит, одна, и дочку звали Зоя. Зоя эта встречалась с парнем, Никола его звали. И вот в этот день, когда надо было идти в храм, она не пошла и собралась тут молодежь в этом доме, её, а парень не пришёл её, Николай его звали. Все стали танцевать со своими, как бы, подружки с парнями, все со своими, кто с кем дружил, а её парень не пришёл. И она тогда говорит: «Ну, не пришёл и не надо, у меня есь другой Никола». Взяла, сняла икону Никола

святой и стала танцевать с этой иконой. Вот. Танцевали, танцевали, и, значить, вдруг она окаменела, стала такая коляная, как мрамор, как столб – ни с места. В общем, все эти друзья испугались и по домам разошлись. Мать пришла и видит, что она, как мраморная, стоит, не говорит ничего. И скорую вызвали, скорая приехала укол делать – не могли укол даже сделать – такая она была крепкая. Тогда, это самое, люди стали приходить. Всем так стало интересно посмотреть, как это такое чудо совершилось. Ну, чтобы так люди не шли валом, допустим, скажем, поставили милиционера, чтобы не пускать никого у дом. Ну, а матери сказали, общем, мать в храм ходила, спросила – вот такое случилось. Ну батюшка посоветовал это, заказать, чтобы молились у трёх церквях, и где были священники по имени Никола. В общем, так сделали, нашли такие церкви, где были батюшки Николы, и стали молиться. И потом, общем, милиция никого не пускала, а вдруг вот пришёл старичок, невысокий, старенький. Его как бы... его пропустила милиция, как бы и не заметила, и забыли про то, что нельзя никого пускать. Вот этот старичок пришёл у дом, подошёл к этой Зое и сказал: «Ну что, надоело стоять?» Никто не слышал, что она сказала, но что-то сказала. И тогда этот ушёл старичок, и, это, окаменелость эта прошла. Общем, можно было её положить на кровать, можно было доктора вызвать, укол сделать. Общем, врачей вызвали и священники были, всё. И, это самое, и так она как бы выздоровела. Но потом она очень мало прожила, умерла. Вот это говорит о том, что надо слушаться родителей и шутить с иконами нельзя со святыми. Вот такой притча» (ФА ПсковГУ за 2007, т. 2/642, л. 15-16, кассета НЕВ 2007-4).

Н. В. Петров посвятил данному сюжету отдельную статью, в которой показал, что толчком для его формирования стало появление в 1956 г. в газете «Волжская коммуна» публикации, излагавшей эту историю как произошедшую в действительности в одном из домов на Чкаловской ул. в г. Куйбышеве, следствием чего стало расследование «происшествия» со стороны партийных органов и распространение легенды в народной среде как в устной передаче, так и в виде письма – так называемого «Зоина жития». С начала 1990-х гг. сюжет включается в церковные сборники, обретая в них статус православной легенды, связанной с чудесами Николая Чудотворца [9].

Очевидно, что данный сюжет является реализацией рассматриваемой нарративной схемы 'наказание за святотатство': человек нарушает табу, за что получает наказание свыше (святотатца разбивает паралич) (вариат: с последующим исцелением).

Включая легенды о танце с иконой в круг рассказов о наказании за святотатство, мы в то же время считаем необходимым подчеркнуть, что речь идет не о «местной» легенде, не о местном святотатце, а о свидетельстве широкого распространения куйбышевской легенды по территории России. Ни в одной из шести сделанных на псковской земле записей этой легенды не содержится указаний на «местный» характер события: в пяти рассказах место действия не определено («где-то»), в одном указано, что события происходили в Куйбышеве.

Легенды о танце с иконой обладают наиболее полной сюжетной и композиционной завершенностью (приведенный пример об этом красноречиво свидетельствует). Внимание рассказчика сосредоточено на занимательности сюжета, построенного в виде сме-

няющих друг друга драматических эпизодов из жизни героини. В сравнении с рассмотренными выше типами текстов в легендах о танце с иконой более наглядно явлено вмешательство божественной силы в жизнь человека: «невысокий старичок», которого «не заметила милиция» и который снял «окаменелость» – не кто иной, как Николай Чудотворец.

Народное сознание не делает принципиального различия между христианскими и языческими культовыми объектами: в случае как с теми, так и с другими святотатца постигает кара. Так, «партийного», который «помочился» в святой родник, «Господь наказал» – «парализовало [...] отлежал в углу где-то лет к пятнадцати. А потом умер» (ФА ПсковГУ за 1998, т. 8, л. 32 об. – 33, кассета ОПОЧ 1998–3); «Валя Лебедева» забрала свое приношение из пещеры в д. Трутнево – «Бог её и наказал» (ФА ПсковГУ за 2004, т. 5, л. 22 об.-24 об., кассета ГД 2004-21); в Трутнево Бог наказал и людей, поваливших установленный близ пещерки крест; «один сосед» взорвал на пожне камень-следовик «и положил во хлев, и скотина померла: корова пала, лошадь потом» (ФА ПсковГУ за 2000, т. 3, № 43, кассета ПЕЧ 2000–14); старик забрал «копеечки» из святого родника – «слепнуть стал» (ФА ПсковГУ за 2007, т. 5/282, л. 29 об. – 30 об., кассета КРАСН 2007-10). Очевидно, что рассказы о святотатстве в культовом пространстве святого родника, святой пещеры и святого камня – это легенды той же типологической группы: наказание святотатца становится следствием нарушения предписаний, в том числе связанных с запретом пересечения границы между сакральным и профанным мирами, когда грубое вмешательство человека в сакральную сферу приводит к нарушению традиционного миропорядка.

Типологическая однородность нарративов о кощунственных действиях в пространстве языческих и христианских культовых объектов свидетельствует о том, что легенда пользуется нарративными схемами, сложившимися задолго до ее формирования: согласно выводам Н.А. Криничной, истоки мотива осквернения христианской святыни заключены в характерном для мифологии мотиве надругательства над языческой святыней [4, с. 161]. Сакральный объект предстает в таких легендах «как саморегулируемая и самооберегаемая система, не позволяющая менять свои географические координаты, не допускающая возле себя определенных неэтических ситуаций» [14, с. 161]. Поэтому и борьба с «деревенскими святынями», развернувшаяся в годы советской власти, лишь укрепляла их статус в глазах верующих: выступая в качестве своего рода «средства проверки» чудесных способностей священного объекта, святотатство обеспечивало формирование, развитие и поддержку того или иного культа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азбелев, С.Н. Русская народная проза / С.Н. Азбелев // Народная проза / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С.Н. Азбелева. – М. : Сов. Россия, 1992. – 605 с.
2. Добровольская, В.Е. Несказочная проза о разрушении церквей / В.Е. Добровольская // Русский фольклор. – СПб. : Наука, 1999. – Т. XXX. Материалы и исследования. – С. 500–512.
3. Добровольская, В.Е. Несказочная проза о разрушении церквей / В.Е. Добровольская // Славянская традиционная культура и современный мир : сб. материалов научно-

- практ. конф. – М. : Государственный республиканский центр русского фольклора, 1997. – Вып. 2. – С. 76–88.
4. Криничная, Н.А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры / Н.А. Криничная. – Л. : Наука, 1987. – 227 с.
 5. Мороз, А.Б. Разрушение церквей в советский период: два взгляда / А.Б. Мороз // *Historiamówiona w świetle nauk humanistycznych i społecznych*. – Lublin, 2014. – S. 187–195. Режим доступа: <http://rpczmoskva.org.ru/istoriya/a-b-moroz-razrushenie-cerkvej-v-sovetskij-period-dva-vzglyada.html>.
 6. Мороз, А.Б. Устная история русской церкви в советский период (народные предания о разрушении церквей) / А.Б. Мороз // *Ученые записки православного университета ап. Иоанна Богослова*. – 2000. – Вып. 6. – С. 177–185.
 7. Нижегородские христианские легенды / сост., вступ. ст. и коммент. Ю.М. Шеваренковой. – Н. Новгород : КиТиздат, 1998. – 168 с.
 8. Панченко, А.А. О пользе святотатства, или PussyRiot глазами антрополога / А.А. Панченко // *Отечественные записки*. – 2013. – № 1. – С. 217–227.
 9. Петров, Н.В. Каменная Зоя: слух, легенда, история / Н.В. Петров // *Механизмы культурной памяти: от фольклора до медиа : тезисы докладов Междунар. науч. конф., Москва, РАНХиГС, 27–29 ноября 2014 г. / сост. О.Б. Христофорова [и др.]*. – М., 2014. – С. 103–108. Режим доступа: <https://www.ufo-com.net/publications/art-9042-kamennaia-zoia.html?print=y>.
 10. Пропп, В.Я. Жанровый состав русского фольклора / В.Я. Пропп // *Поэтика фольклора*. – М. : Лабиринт, 1998. – С. 28–69.
 11. Соколова, В.К. Русские исторические предания / В.К. Соколова. – М. : Наука, 1970. – 288 с.
 12. Фадеева, Л.В. Рассказы о разорении святыни в современной устной традиции Пинежья (К проблеме специфики сюжета и жанра) / Л.В. Фадеева // *Рябининские чтения – 2003 / отв. ред. Т.Г. Иванова ; Музей-заповедник «Кижи»*. – Петрозаводск, 2003. – Режим доступа: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2003/29.html>.
 13. Шеваренкова, Ю.М. Исследования в области русской фольклорной легенды / Ю.М. Шеваренкова. – Н. Новгород : Растр-НН, 2004. – 157 с.
 14. Шеваренкова, Ю.М. Народные рассказы о святых камнях в Нижегородском крае / Ю.М. Шеваренкова // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. «Филология»*. – 2001. – № 1. – С. 159–165.
 15. Шеваренкова, Ю.М. Русская устная народная легенда в ее жанровых разновидностях : дисс. ... канд. филол. н. / Ю.М. Шеваренкова. – Ижевск, 2002. – 190 с.
 16. Штырков, С.А. Рассказы об осквернении святынь / С.А. Штырков // *Традиционный фольклор Новгородской области*. – СПб. : Тропа Троянова, 2006. – С. 208–231.
 17. Штырков, С.А. Рассказы о наказании святотатцев: фольклорный мотив и нарративная схема / С.А. Штырков // *Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах северо-восточной Новгородчины)*. – СПб. : Наука, 2012. – С. 53–82.

PSKOV LEGENDS ABOUT THE PUNISHMENT FOR SACRILEGE
(BASED ON THE FOLKLORE ARCHIVE OF PSKOV STATE UNIVERSITY)

L. YURCHUK, I. KAZAKOV

In the article based on the material of the legends of folklore archives of Pskov State University recorded in the period from 1977 to 2016 the results of the analysis of the Pskov legends about the punishment for sacrilege are presented. Several types of such legends are analyzed, including legends about the destruction of churches, dropping of bells, destruction of icons, dancing with icons, betrayal of faith.

Keywords: *local legend, legend about the punishment for sacrilege, memorate, narrative scheme.*